

«**Андрюс Маикавичюс, режиссер, хореограф, танцовщик, драматург, педагог и художественный руководитель единственного в своем роде театра, стал первым в мире постановщиком, который отважился на сценическое решение "Песни песни"** (премьера состоялась недавно на сцене Московского ТЮЗа). **Трагическая любовь царя Соломона и простой девушки "из виноградника"** трактуется режиссером как величайшее духовное свершение, проявляющее все лучшее, что есть в человеке и что делает его Личностью. Идея этого спектакля Гедриус вынашивал долгие годы. Одновременно создавал уникальные спектакли на сюжеты произведе-

Провинция - это вся Европа, кроме Франции. Китай - не провинция. Токио - не провинция. Нью-Йорк - не провинция. В мире, как мне представляется, только пять городов не провинциальных. И в их числе - Москва. Потому что она умеет генерировать "первый продукт". Хорошо ли, плохо ли - другой вопрос. Но то, что она делает, делает всегда по-своему, и ей, простите, наплевать, как на это смотрят, допустим, в Лондоне.

- В Москве вы пришли к идее создания вашего первого театра, который назывался ансамблем пластики и движения и был основан в 73-м году.

- В жизни я несколько раз отказывался заниматься движением, пластикой, танцем. Что не помешало мне, однако, целых пять лет проработать в Вильнюсе артистом пантомимы и танца. Однажды я сказал себе: ты взрослый мужик, занимайся драматическим театром. Это солидно, и это интересно. И поехал в Москву учиться на режиссера.

это я не в состоянии забыть. Мои бывшие артисты при встрече со мной рассказывают мне о моих спектаклях, восстают на меня, хотя для меня они уже далеко прошлое.

Почему я постоянно говорю об интеллигенции, которая любила мои спектакли? Потому что ей была необходима какая-то отдушину, какая-то искренность. И я пытался поддерживать свою жизнь на уровне этой искренности. И что еще спасало - бессловесный театр. Ничего на сцене не сказано, и это можно толковать по-разному. Мне говорят же чиновники - это так, а я возражаю - ничего подобного. Если вы так прочли

значит вы сами так думаете. А я плоды вашей фантазии в спектакль не закладывал. Жест всегда многопланов и однозначный трактовке не поддается.

Ставил я однажды "Двенадцать" Блока. В финале идут красногвардейцы, впереди - Христос. Я его трактовал как революционного идею, которая ведет этих людей. Метель, пурга, они загораживаются как бы от нас, а на самом деле - от идеи. В финале вообще останавливаются, застыли. Идея терпит полный крах. Когда чиновники говорили мне - ваши красногвардейцы защищаются не от пурги, а от революции, я возражал: как вы смогли такое увидеть? Вы что, не знаете петербургской зимы? Обычные

кой, которую я выбираю сам. В "Песне песней", например, это музыка Альфреда Шинтле, Анастасия Шендеровская, Питера Габриэля, "Пинк фloyd".

- Как я понимаю, новый театр "Октазд" - для вас еще один шаг в неизведанное?

- Мне захотелось заняться разными видами театрального искусства. Балетом, драмой, оперой, опереттой, пантомимой, пластикой, эстрадой, цирком - в рамках одного театра. Всего восемь видов. При разных труппах. Я могу, конечно, собрать их, но для этого нужны деньги. Рассчитываем на сборы в гастрольных поездках. Нам поможет акционерное общество "РосШтерн".

- А латвии от государства?

- О чем вы говорите? Какое государство? Оно только пинало меня. Во все времена.

- Вы обращались за поддержкой к государству?

- Вначале по наивности - да. Я был

Гедриус Маикавичюс

Все вершители наших судеб борются за власть, за свою эгоистическую значимость, которая ни на йоту не приносит значимости духовной для общества.

ний литературы и живописи, в том числе "Сонеты Шекспира", "Преодоление", "Красный конь", "Желтый звук", покорившие зрителей возвышенной одухотворенностью, изысканной пластикой, красочностью. С успехом гастролеровали по многим странам.

Имя этого театр Маикавичюса "Октазд" уже второй, созданный им. "Октазд" - значит восьмистраничник и указывает на разносторонность творческих устремлений художественного руководителя и его труппы. Как и на широкий спектр образования Гедриуса, полученного в Вильнюсском университете, в школах танца, пантомимы, пластики и режиссуры Литвы, Латвии и Москвы, где он учился в ГИТИСе по классу прекрасного педагога Марии Кнебель.

- Вы, Гедриус, - литовец. Что, помимо профессиональных интересов, побудило вас покинуть родину и поселиться в Москве?

- Существовать в духовном или физическом пространстве, сжатом каким-то условными рамками, я не могу. Это и явилось одной из основных причин моего отъезда из Литвы. Я был в конфликте с литовцами. Я не понимал их. Для них русский человек - "плохой" человек, оккупант. Но почему? Давай судить о человеке по сути - что он собой представляет, как мыслит, каковы его намерения и так далее.

Здесь, в Москве, я постоянно говорю всем, что литовец - не самое лучшее, что создано природой. Исторические, географические и иные условия сформировали в нем известный эгоцентризм, расчетливость, замкнутость. Литовцев, которые пребывают в других психологических измерениях, очень мало. И поэтому я чрезвычайно критически отношусь к себе как к литовцу. Мне намного интереснее выходить за границы национального самосознания в общечеловеческое, не забывая при этом о своих литовских корнях. В Литве я родился, получил воспитание, окончил школу. Поэтому, что бы о ней я ни говорил, она мне очень симпатична, красива своей природой, своим молодечеством, сглаженностью бытия. Там много Бога и он всюду - в каждой доске.

К сожалению, в России этого нет. В России - другое. И знаете что? Чувственное начало! Без которого русский человек - не русский. Когда приехал в Россию - случилось это лет двадцать назад, - меня буквально захлестнул океан чувственности, открытый до непредвиденности. Сначала он даже пугал, но теперь не могу без этого жить. Как и без самой России. Среди других черт русского народа хотелось бы отметить его восприимчивость, готовность слепо следовать образам, привнесенным извне.

Но здесь происходит странный парадокс. Восприимчивость как будто бы должна рождать провинциализм, потому что она все время оглядывается, пытается, влияя, не генерируя ничего своего. Однако Россия - не провинция.

Поступил в Театральную академию - по-старому ГИТИС. Удалька. Ставил отрывки из Чехова, Островского, Гоголя, Шекспира. Ничего не понимал, но все равно было любопытно. Ругали два года, даже из института собирались уходить. Но секреты профессии постиг.

Материально мне никто не помогал, чтобы кормиться, надо было зарабатывать деньги. Но как? Я подался на Курский вокзал, таскал чемоданы. А что дальше? Взять художественную самодеятельность? Но какую? Я знал кое-что из пантомимы, пластики, танца. И я собрал людей, которые хотели этим заниматься. И вот таким образом в 1973 году возникла моя студия.

- Как вы собирали людей?

- А кто хотел, тот и приходил. Одаренный человек - беру. Самодеятельная студия переросла в профессиональный Театр пластической драмы, который существовал шестнадцать лет. Когда он исчерпал себя эстетически и творчески, я ушел из него. Было это в 1989-м. Решил - хватит "пластики и движений".

Начались годы переосмысления жизненной позиции, духовных и эстетических ценностей. В 91-м году уехал в Екатеринбург. На должность художественного руководителя... балетного театра. Поставил три балета. Потом меня пригласили в оперный театр ставить "Кармен". Детские Бизе стало моей третьей оперной работой. А вообще, что касается моей балетной режиссуры, то это - наглость. Я знал, конечно, балетный экзерсис, балетную лексику, но не в той мере, какая требовалась для работы в профессиональном театре. Надо было учиться. Я ходил на уроки, чтобы суметь говорить на языке балетных артистов. Сейчас у меня появился собственный балетный театр.

Таким образом, тот первый ансамбль, который возник из необходимости зарабатывать на кусок хлеба, вылился в большое и очень значительное дело моей жизни. В "горючую" истину. И потому воспоминания о той, первой студии мне очень приятны. Интеллигенция, посещавшая мои спектакли в 70-х годах, росла на моих глазах духовно и эстетически. И

Медведь. - 1993, - сент. (№ 36). - с. 13.

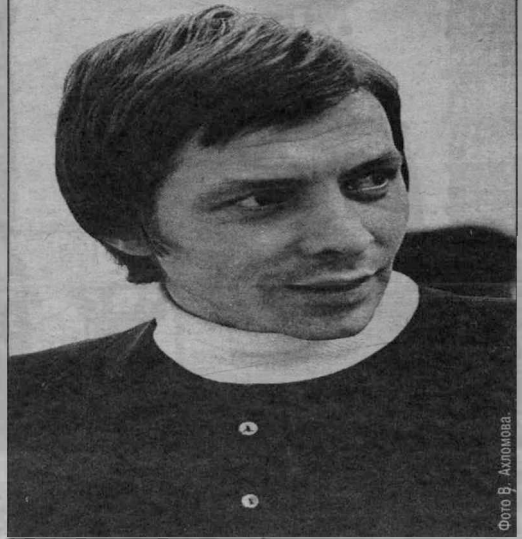

Фото В. Акимов.

Петрова-Водкина, Николая Рериха, Гутузо, Фалька, и наконец, третий - "Сонеты Шекспира", не нуждающийся в пояснении. За них мне более или менее не стыдно. Был "забойный" спектакль, который мы играли раз пятьсот, - "Звезда и смерть Хоакина Мурьеты". Он постоянно проходил на "Тура". Это - революционный романтизм, холодность, драматическая любовь. На сцене - скачки, убийства, каллизии, понятные для всех. Ну, а для меня - хороший, конечно, материал, но банальный, общепринятый. А триптих - спектакли, которые формировали мое духовное и эстетическое сознание. Последняя моя постановка "Песнь песней" входит четвертой в этот цикл.

И все-таки вы не сказали, какие импульсы побуждали вас создавать театр именно пластики и движений?

- Так сотворила меня природа. Мне интересней, когда человек молчит. Вот сейчас я, говорящий, предельно неинтересен, потому что определен. Более или менее чувствен, более или менее эмоционален, более или менее разумен. Когда же молчу, за мной можно предположить многочисленные психологические варианты, а затем собеседнику надежда и повод для анализа, размышлений и понимания. Однако сцена требует специальных, специфических коммуникативных средств зрительным залом. Средства? Это, безусловно, движение, пластика, танец. Но не вербальное общение.

- А музыка, которая в ваших спектаклях является одним из важных компонентов?

Да, и музыка. Я всегда прошу актеров быть на уровне композиторского мышления. Тем более, что мои спектакли оформляются только хорошей музы-

просто полон иллюзорной надеждой, ходил ко всяким чинушам, до ЦК и Совмина добрался. Потом наступил момент прозрения: никто и никогда мне не поможет. Никто и никогда. Раньше это называло пещеру, теперь - понимание того, что рассчитывать можно только на самого себя.

- Значит, и теперь ничего не изменилось?

- Тогда театру вообще не давали возможности дышать, а сейчас уже мне, извините, наплевать на государственные затеи и интриги. Я нашел фирму, она поддерживает меня материально, и я могу нормально существовать. А если еще и сам заработаю деньги - большего счастья и не надо. И не нужно мне никакое правительственное.

- Влияют ли текущие политические события на ваше творческое самочувствие?

- Абсолютно нет! Политики - взрослые люди - занимаются эгоцентризмом. Почему этим должен заниматься и я?

То же, кстати, и в искусстве. Что и отвращает меня от традиционного театра. Вот, например, Кармен. Женщина, не обремененная серьезными иррациями. Хосе. Не очень умный, хотя и искренний. К тому же эгоист до мозга костей. У них между собой что-то не ладится, а я - зрелый мужик - должен влезать в это. Зачем? Идите на кухню и разберитесь между собой.

А в политической жизни? Прикрываясь высокими постами и званиями, все вершители наших судеб борются за власть, за свою эгоистическую значимость, которая ни на йоту не приносит значимости духовной для общества. Зато приносит им личное наслаждение: квартиру, дачу, вкусную еду, обеспечение детям и отдых себе - где-нибудь в Майями или в другом месте. Ну чего ради я должен вникать в их примитивные житейские проблемы?

Вы как-то зависими в творческом отношении от акционерного общества "РосШтерн", которое субсидирует вас?

- Ни в какой. Для меня это великое счастье, которое в моей жизни случилось, правда, не раз. Я могу сказать массу искренних слов благодарности в адрес "РосШтерна", его президента Владимира Давыдовича Штернфельда и вице-президента Аллы Николаевны Балицкой. Их бескорыстная помощь и понимание ошеломляют меня. В "РосШтерне" театр столкнулся с определенным материальным и духовным уровнем, когда для людей совершенно естественно без лишнего слова и показухи помогать российской культуре. На будущее мы заключили с ними договор, согласно которому будем не только принимать от них финансовые субсидии, но и выплачивать наш долг с выручки от предстоящих гастролей. В сентябре, например, едем с конкретными номерами в Южную Корею.

А осенью, дай Бог, сможем обосноваться в собственном - пока, увы, только репетиционном - помещении на Беговой, его обустройством сейчас и занимаемся.

Беседу вел
Герард КИМЕКИС.

Сцены
из
спектаклей
"Песнь
песней"
и
"И дольше
века
длится
день"

балетный театр
Г. Маикавичюса